

Анти-формализм v. традиционализма как новый вызов международному праву

УДК 341.1/.8
ББК 67.412
С-500

Анаит Сергеевна СМБАТЯН,
доктор юридических наук,
Всероссийская академия внешней торговли
(119285, Москва, ул. Воробьевское шоссе, 6А),
кафедра международного права, профессор, тел.: 8(499)147-35-33

Аннотация

В последней четверти XX столетия в международном праве произошли изменения как качественного, так и количественного свойства. Международное право стало действенным инструментом защиты и продвижения интересов самых разных субъектов. В авангарде международного права оказалась правоприменительная практика. Со стороны практиков есть запрос на более динамичную международно-правовую систему. В ответ на это со стороны отдельных ученых все настоятельней звучат призывы отказа от традиционализма и формализма международного права, подчеркивается необходимость учета неправовых факторов при толковании международных договоров, обосновываются междисциплинарные подходы к изучению и применению международного права. Острие пера сторонников анти-формализма направлено на правила толкования, закрепленные в Статьях 31-33 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Согласиться со всем этим невозможно. Безусловно, право должно отражать происходящие в общественных отношениях изменения, чтобы быть способным их регулировать. Это, однако, не подразумевает, что международное право должно слепо подстраиваться под практику и, в том числе, ассимилироваться с соседствующими дисциплинами. Реалии функционирования международного права свидетельствуют о том, что последнее обладает определенной автономностью от воли государств. В то же время, учитывая имманентный конфликт интересов, требуется сохранить управляемость системой международного права, уделять должное внимание процессуально-правовым подходам, сосредоточием которых является процедура. Формализованные и беспристрастные правовые процедуры в значительной степени способны обеспечить эффективность международного права. В условиях нарастающего конфликта интересов государств, единственным практически осуществимым способом обеспечения стабильности и предсказуемости договорной практики, равно как и фактической реализации принципов *pacta sunt servanda* и суверенного равенства государств являются общепризнанные правила толкования, воплощенные в статьях 31-33 Венской конвенции. Сила международного права заключается, в том числе, в его формальности, нейтральности, объективности, свободе от любой идеологии.

Ключевые слова: международное право; система международного права; источники; договор; органы международного правосудия; толкование; контекстуализм; междисциплинарный; правоприменение.

Anti-formalism v. traditionalism as a new challenge to international law

Anait Sergeevna SMBATYAN,

Doctor of Legal Sciences, Russian Foreign Trade Academy (119285, Moscow, Vorobiyovskoye Shosse, 6A), Department of international law, Professor, phone: 8(499)147-35-33

Abstract

There have been significant qualitative and quantitative changes in international law in the last quarter of the twentieth century. International law has become an effective tool to protect and promote the interests of different players. Law enforcement practice has been at the forefront of international law. From the side of practitioners there is a request for a more dynamic international legal system. In response to this, scholars are pushing for the abandonment of traditionalism and formalism of international law, they emphasize the need to take into account non-legal factors in the interpretation of international treaties, and substantiate interdisciplinary approaches to the study and application of international law. Proponents of such approaches proceed from the premise that there is no fundamental basis in international law and that it is not a self-sufficient legal system. The key target for advocates of anti-formalism in international law are the rules of treaty interpretation enshrined in Articles 31-33 of the Vienna Convention on the Law of Treaties of 1969. It is impossible to agree with all this. Of course, the law should reflect the changes in public relations in order to be able to regulate them. This, however, does not imply that international law should blindly adapt to the practice and, inter alia, assimilate with neighbouring disciplines. The realities of international law functioning indicate that the latter has certain autonomy from the will of states. At the same time, given the immanent conflict of interests, it is necessary to maintain control over the system of international law, to pay due attention to procedural and legal approaches. Formalized and impartial legal procedures are largely capable of ensuring the effectiveness of international law. In the context of increasing conflict of interests between states, the only practicable way to ensure stability and predictability of international treaties, as well as the actual implementation of the principles of *pacta sunt servanda* and the sovereign equality of states, are universally recognized rules of treaty interpretation under Articles 31-33 of the Vienna Convention. The strength of international law lies, inter alia, in its formality, neutrality, objectivity and freedom from any ideology.

Keywords: international law, international legal system, sources; treaty, international judicial bodies, interpretation, contextualism, interdisciplinary, *pacta sunt servanda*.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития международных отношений, высоких темпов экономического сотрудничества и технологического прогресса, а также в свете новых угроз и вызовов на первый план в международно-правовом дискурсе выходят практические средства решения *прикладных* задач и обоснования правомерности отстаиваемых *интересов*. Первостепенным становится инструментальное понимание международного права как средства примирения и гармонизации различных интересов с целью достижения конкретных социальных целей. Представляется важным усилить прикладную значимость результатов научной деятельности в области международного права. Выработке актуальных теоретических разработок и научных концепций должен предшествовать дескриптивный анализ реалий функционирования международного права, без *ex post* обоснований и «подгонки» происходящего под существующие правила. Все, включая правовое мышление, может и должно меняться. В праве нет места аксиомам и непреложным истинам. Это ни в коем случае не значит, что право должно слепо следовать за практикой, подстраиваться под нее, сливаться с другими дисциплинами и науками просто ради того, чтобы быть «адекватным происходящим в международной жизни изменениям» и оставаться привлекательным для политиков и практиков.

В основе предпринятого в настоящей статье анализа и сформулированных предложений лежит базовая идея автора о том, что международное право как объективно существующая правовая система обладает такими качествами, как формальность, нейтральность и свобода от любой идеологии. Наличие этих качеств – *sine qua non* способности международного права выполнять свои функции.

Исследование основано на анализе значительного объема нормативного и эмпирического материала, включая международные договоры, решения органов международного правосудия, исследования российских и зарубежных ученых-правоведов в сфере международного права. Методологическую основу исследования составили общенаучные (метод системного анализа, диалектический метод, методы дедукции и индукции) и частнонаучные (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, методы правового моделирования и прогнозирования), методы познания.

1. КЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ЗАРЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО СИСТЕМЫ

Период, когда мир увидел Устав Организации Объединенных Наций¹ и Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г.² можно считать *начальным* этапом формирования *системы* международного права³. Международное право, конечно же, существовало задолго до того. Но его *система*, в центр которой положены *общепризнанные принципы и нормы международного права*, появилась именно с принятием Устава ООН. Из этого логически следует, что основополагаю-

щим и системообразующим элементом международного права являются его источники. Научные взгляды, вдохновленные Статьей 38 Статута Международного Суда ООН⁴ и положенные в основу *теории* источников международного права, можно назвать *классическими*. Поименованные в ней источники разделены на две группы. Первую группу⁵ принято считать основными источниками международного права, вторую⁶ – вспомогательными либо факультативными⁷. В Статье 38 Статута Международного Суда ООН в числе основных источников международного права нет таких общепризнанных на настоящий момент источников, как решения международных организаций и односторонние акты государств⁸. Это вполне объяснимо: данная статья отражала реалии середины XX столетия, когда существовало небольшое число международных организаций. К тому же, в тот период проблемы международного права обсуждались преимущественно на дипломатических конференциях и страницах научных трудов; функционировало лишь несколько международных судебных органов; на тот момент невозможно было даже представить, что частные лица получают доступ в органы международного правосудия и будут биться против государств; мир еще не знал, какой может быть в своем расцвете региональная экономическая интеграция.

Учение об источниках международного права оказало влияние на теорию нормотворчества: правовые нормы могут создавать государства либо учрежденные ими международные организации⁹. Воля государств в рамках классической парадигмы рассматривается как первопричина и единственная движущая сила международного права¹⁰. Венская конвенция 1969 г., будучи одновременно кодификацией и прогрессивным развитием права международных договоров¹¹, закрепила правила заключения, изменения, вступления в силу международных договоров, в центре которых находятся его участники, контролирующие весь процесс осуществления договора. Свою лепту в механизмы контроля государств над международными договорами внесли также Статьи 31-33 Венской конвенции. В них определены правила толкования, в основу которых положен *текст* международного договора как объективное выражение *намерений* его участников¹².

2. ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX СТОЛЕТИЯ

С середины 80-х годов XX столетия вплоть до начала нулевых в международном праве происходили видимые изменения как качественного, так и количественного свойства. *Во-первых*, произошла трансформация архитектуры международного правопорядка. Если советская и российская доктрина международного права традиционно рассматривали международный правопорядок по аналогии с национальными правопорядками, т.е. выстроенный по вертикали¹³, то западная доктрина в качестве ключевой характеристики международного правопорядка выделяет плюрализм, диалектику взаимодействия и взаимосвязей между *различ-*

ными правовыми режимами и их институтами¹⁴. Плюрализм, с одной стороны, оспаривает позитивистскую установку о том, что на все вопросы могут быть даны однозначные ответы¹⁵, а с другой – позволяет учитывать конфликтующие положения, каждое из которых претендует на превосходство¹⁶. Невозможно также отрицать, что за последние десятилетия произошло «горизонтальное» усложнение международного правопорядка. Доказательство тому – появление новых международных организаций, региональных интеграционных объединений, органов международного правосудия, специализированных международно-правовых режимов. *Во-вторых*, мы наблюдаем качественную трансформацию самого международного права. Об этом свидетельствуют расширение его предметного охвата и фантастическое увеличение нормативного материала. Если в первой половине прошлого столетия международное право преимущественно формировалось спонтанно, на основе обычных норм в рамках двусторонних отношений государств, то к настоящему времени международное право в своей значительной части развивается через договорные источники.¹⁷ В целом, последнюю четверть XX столетия можно смело назвать периодом подъема международного права. В начале XXI, однако, столетия ситуация начала потихоньку меняться. Речь идет, прежде всего, о *замедлении* процесса международного нормотворчества. Заключение новых универсальных международных договоров, равно как и адаптация действующих договоров к меняющимся условиям международной жизни – явление редкое. На этот факт указывает, например, выхолащенная повестка Комиссии международного права ООН. В этой связи А.А.Абашидзе и А.М.Солнцев отмечают, что «КМП предпочитает работать над такими темами, которые либо вообще не предполагают возможности разработки международных договоров, либо государства не готовы принимать международные договоры на основе этих «проектов статей», либо принимаются такие международные договоры, которые не могут вступить в силу»¹⁸. Среди факторов, затрудняющих достижение международных договоренностей, можно выделить такие, как напряженность международной обстановки, обострение разногласий между мировыми державами, претензии отдельных государств по изменению мироустройства, высказываемый ими скепсис в отношении основополагающих международных договоров и институтов, сосредоточенность целого ряда государств на региональном сотрудничестве. Кроме того, в условиях обострения национальных интересов государствам просто невыгодно создавать новые правила поведения либо уточнять (детализировать) уже существующие: отсутствие четких правил дает свободу усмотрения при принятии решений в зависимости от конкретной ситуации и меняющихся интересов. Еще одной тенденцией стало то обстоятельство, что в международно-правовом дискурсе лидирующие позиции заняла *правоприменительная практика*, т.е. вопросы *функционирования* международного права в реальной жизни. Связано это, прежде всего с тем, что за последние десятилетия международное право сформировалось в действительную

правовую систему, «проникло» во многие сферы жизни, в результате чего обрело все черты *инструмента* защиты и продвижения интересов самых разных субъектов. С реальностью «работают», в основном, органы международного правосудия. Именно они в каждодневном режиме разрешают конкретные жизненные ситуации во всем их многообразии. Именно с этим связано существенное увеличение решений, принимаемых как постоянно действующими судебными органами¹⁹, так и арбитражами *ad hoc*²⁰. На сегодняшний день большую часть действующего международного права можно найти в судебных решениях. Именно в них мы наблюдаем функционирование международного права в его действии. Это свидетельствует о доверии к международному праву и его зрелости как правовой системы, что, бесспорно, следует рассматривать как позитивный фактор.

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ ОБОСНОВАНИЯ И ЗАЩИТЫ КОНКРЕТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

В результате происходящих изменений довольно четко стала подсвечиваться *инструментальное* предназначение международного права. На первый план выходят не абстрактные правовые конструкции и теоретические положения, выражающие правовые идеалы, но концепции, презумпции, толкования, используя которые можно защитить конкретную правовую позицию, за которой стоят совершенно конкретные интересы. В фокусе оказывается *аргументационная стратегия* участников спора как свидетельство состоятельности процесса, интеллектуальной вовлеченности спорящих сторон. В каждой ситуации, особенно в споре на кону стоят конкретные интересы, каждый из которых стремится одержать победу. Примирение невозможно. В статье, посвященной так называемой «ситуативности» международного права, О. Корхонен отмечает, что «аргументация, в конечном итоге, приводит к формулированию несовместимых позиций, которые могут быть одинаково хорошо обоснованы определяющими допущениями системы. Международная правовая структура вынуждает юристов-практиков занимать безнадежные позиции, с которых они не могут достучаться друг до друга. Результатом становится бесконечный обмен аргументационными стратегиями, который не предлагает сторонам выхода из соответствующих споров»²¹. Один из самых влиятельных ученых-международников современности М. Коскенниemi в своей ставшей всемирно известной научной работе описывает модель колебания между апологией и утопией, когда юрист-международник поставлен перед *выбором* между утопическим легализмом (объективизмом) и политической апологией (прагматизмом), либо пытается уравновесить оба эти фактора²². Действительно, перед юристом-практиком стоит задача отстоять защищаемый им *интерес*, а не доказать объективную истину. В этом принципиальная разница задач, стоящих перед учеными и практиками. Путеводной звездой первых является научная обоснованность и объективность, для вторых – доказательство правомерности, юридической обоснованности конкретного интереса в рамках заданных фактических обстоятельств в определенный момент времени.

Следует признать, что в сегодняшних реалиях практикующие юристы ежедневно сталкиваются с новыми *вызовами*. Среди них трудности, связанные с применением абстрактно сформулированной правовой нормы к специфичной фактической ситуации; появление принципиально новых жизненных ситуаций, что затрудняет определение применимых к ним правовых норм; пробельность регулирования; выбор между ограничительным, телеологическим и эволюционным толкованием при отсутствии внятных теоретических наработок для обоснования требуемого толкования в каждом конкретном случае; наличие диаметрально противоположных научных взглядов по одному вопросу международного права и др. Классическая парадигма международного права не всегда способна дать удовлетворительные ответы на возникающие вопросы. Соответственно, для того, чтобы найти ответ на конкретный вопрос и выработать правовое решение, нередко приходится проводить серьезные научные исследования, причем нередко по принципиально новым вопросам международного права. На это, однако, не всегда есть время. Требуется быстрые решения, способные разрешить проблему «сегодня», а не «завтра» или тем более «когда-нибудь». Соответственно, нужны *универсально признанные инструменты*, посредством которых можно решать каждодневные задачи²³.

4. ОТКАЗ ОТ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

За последние годы в науке международного права появилось множество работ, пронизанных идеей отказа от традиционализма²⁴ и формализма международного права. Все настоятельней звучат призывы развернуть международное право лицом к внешнему миру, к действительности. Отстаивается *инструментальное* предназначение права, основанное на отрицании сущности международного права как «вещи в себе». Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к изучению и применению международного права, включая необходимость признания значимости неправовых факторов. Довольно энергично продвигаются теоретическое обоснование «не замкнутого на тексте» толкования международных договоров. Интересно, что в большинстве своем «анти-формалистские» научные труды посвящены именно вопросам *толкования*. По этой проблематике выпущено, без преувеличения, беспрецедентное количество монографий и научных публикаций²⁵. Такая академическая продуктивность подтверждает если не наличие кризиса, то, как минимум то, что в концептуальном плане мы переживаем переломный этап в доктринальном осмыслении международного права. Большинство таких работ объединяют следующие идеи и подходы. *Во-первых*, отрицательное отношение к Венской конвенции о праве международных договоров. Констатируется, в частности, «крушение идеалов объективности и нейтральности» правил толкования ввиду того, что последние, якобы, носят ограничительный, формалистский характер²⁶, сдерживают развитие международного права, являются чуть ли не «смирительной рубашкой»²⁷, «замораживающей» договоры во времени²⁸. *Во-вторых*, при толковании должны учитываться контекст отдельно взятой си-

туации и ценности, которым служит право (права человека, экономическая интеграция и пр.), а также неправовые факторы (политика, экономика и др.)²⁹. Одним из таких примеров является уже упомянутая концепция «ситуативности», которая якобы «отражается в международном правовом контексте». По мнению ее автора, «ситуативная взаимосвязанность размывает границы между различными дисциплинами. Юрист, практикующий международное право, не существует в изолированной правовой среде. Ему приходится действовать в среде, где все ситуативные влияния – правовые, политические, и личностные – переплетены. Юрист-международник имеет дело с разнообразными факторами влияния. Они проявляются в толковании через элемент [их] значимости [в каждом конкретном случае]. Специфическая правовая значимость представляет собой несуществующую на практике фикцию»³⁰. *В-третьих*, отрицательное отношение к позитивизму ввиду неспособности последнего учитывать все многообразие и сложность международного права³¹. *В-четвертых*, право рассматривается как часть социальной действительности, а не как нечто, существующее в вакууме и оперирующее исключительно собственными категориями, идеалами и ценностями³². *В-пятых*, весьма настойчиво пропагандируется междисциплинарный подход к изучению и применению международного права. В частности, при принятии правовых решений предлагается учитывать достижения таких наук, как лингвистика, социология, политология, экономика, психология³³. Фактически, отстаивается точка зрения, что международное право не может быть самостоятельной дисциплиной, но должно смешаться с другими науками и системами взглядов для того, чтобы политики и практикующие юристы начали более серьезно воспринимать международное право как действенный инструмент, с помощью которого можно решать насущные задачи. Иными словами, предлагается лишить международное право самостоятельности как науки и правовой системы, перемешав и даже подчинив его диктату других дисциплин. Образно выражаясь, предлагается рецепт приготовления «солянки», в которой международное право будет даже не основным, но одним из множества других ингредиентов.

Рассмотрим более подробно некоторые научные взгляды, наиболее отчетливо демонстрирующие остроту академической дискуссии по указанным выше вопросам.

5. КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПОСТУЛАТОВ СТОРОННИКОВ «АНТИ-ФОРМАЛИЗМА» И «КОНТЕКСТУАЛИЗМА» ПРИ ТОЛКОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

«Международное право – это не набор правил. Это – нормативная система». Этими двумя предложениями начинается получившая широкую известность монография первой женщины-председателя Международного Суда ООН Р. Хиггинс «Проблемы и процессы. Международное право и как мы его используем». По мнению Р.Хиггинс, для того чтобы право выполняло свою функцию, т.е. обеспечивало

достижение общих ценностей, таких как свобода, справедливость, безопасность, производство достаточного количества материальных благ, необходимых для удовлетворения основных потребностей и т.д., ему необходима нормативная система. Последняя состоит из связанных между собой норм, принимающих во внимание гуманитарное, моральное, политическое и общественное предназначение права. Р.Хиггинс отстаивает точку зрения о «необходимости фундаментального и неизбежного *выбора* между восприятием международного права как системы нейтральных правил, и международного права как системы принятия решений, направленных на продвижение определенных заявленных ценностей³⁴. По мнению бывшего председателя Международного Суда ООН, международное право представляет собой «всецело процесс принятия решений в отличие от простой отсылки на череду предыдущих решений, называемых ‘правилами’». Р.Хиггинс, таким образом, не соглашается с мнением тех, кто «настаивает, что международное право представляет собой ‘правила’, и что юристам-международникам нужно лишь найти и применить эти правила»³⁵. По мнению Р.Хиггинс, «ссылка на ‘корректную правовую позицию’ или ‘правила’ неспособна исключить элемент *выбора* (хотя может попытаться его замаскировать), или облегчить поиск предпочтительного решения». Судьи не «находят правила», но «каждый раз делают выбор». Р.Хиггинс резюмирует, что поскольку «невозможно игнорировать наличие существенной связи между правом и политикой...необходимо применение систематического и открытого подхода к рассмотрению политических факторов». Для Р.Хиггинс «отказ учитывать политические и социальные факторы не может сохранить за правом статус ‘нейтральности’, поскольку даже сам по себе такой отказ сопряжен с политическими и социальными последствиями. Уйти от вопроса наличия существенной связи между правом и политикой невозможно». Отсюда следует, что «оценка так называемых внеправовых факторов является частью правового процесса»³⁶.

Можно согласиться с тезисом Р.Хиггинс о том, что международное право представляет собой нормативную систему. Действительно, система международного права не ограничена простой совокупностью его принципов и норм. Международное право включает в себя и другие важнейшие структурные элементы, такие как правоприменительная практика и правосознание. Можно также согласиться с тем, что для разрешения конкретной ситуации простой отсылки к подлежащему применению правилу (принципу, норме) недостаточно. Применению правила предшествует его толкование. Кроме того, требуется связать подлежащую применению норму с фактами, которые до того также следует не только установить, но и дать им оценку, интерпретировать. Роль судьи либо иного правоприменительного органа как при толковании, так и «связывании» нормы с конкретными фактами, значительна, и здесь не всегда можно обойтись без элемента выбора.³⁷ Однако есть немаловажный нюанс – законность такого выбора обусловлена самим правом³⁸. Весь процесс рассмотрения дела и принятия решения от «а» до «я» должен находиться в правовом поле – нормативном пространстве международного права, – и четко

соответствовать принципам и нормам международного права, включая правила толкования Венской конвенции. И вот здесь у нас возникает принципиальное разногласие с позицией Р.Хиггинс о том, что в правоприменительной деятельности следует учитывать некие ценности и неправовые факторы. С этой точкой зрения, при всем уважении к заслугам ее автора, согласиться невозможно, поскольку предлагаемый подход ведет к размыванию международного права как правовой системы и науки. Мы убеждены в том, что правовые нормы *не могут* окрашиваться в разные цвета в зависимости от отстаиваемых ценностей и неправовых факторов. Ведь в таком случае нивелируется важнейшее качество правовых норм – нейтральность и объективность. Кроме того – на этот аспект обращаем особое внимание, – согласно теории Р.Хиггинс, поскольку простой ссылки на закрепленное в международном договоре правило недостаточно, каждый раз требуется новое решение (формулирование нового правила), переосмысливающее и, возможно, отступающее от предыдущего. Происходит уравнивание нормативной силы правовых источников – международных договоров, решений международных организаций, судебных решений. Право как процесс, в понимании Р.Хиггинс, требует выбора норм, совместимых с ценностями, которые оно стремится продвигать, и целями, которые должны быть достигнуты в каждом конкретном случае. Нет ничего определенного. В каждом отдельно взятом случае нужно не только удостовериться в нормативных основаниях, но и установить их. Право превращается в череду *ad hoc* решений, каждое из которых обусловлено его контекстом. При таком подходе разграничение между *lex lata* и *lex ferenda* теряет свое значение. Крайней формой этого подхода становится фактический отказ от принципа *pacta sunt servanda*. Согласиться с таким подходом невозможно, в том числе потому, что он ведет к отрицанию наличия у международного права незыблемых основ, среди которых принцип *pacta sunt servanda*. Справедливости ради и с сожалением следует признать, что в сегодняшних реалиях договоры нередко задают лишь дискурсивные рамки. В действительности же правоприменительные органы при принятии решений опираются на сформулированные ими же *концепции*, в тексте договора не прописанные, но якобы из него вытекающие. Однако концепции – это всего лишь рабочие гипотезы. Концепции лишены качества нормативности. С точки зрения классической теории, концепции ни при каких обстоятельствах не могут быть *источниками* прав и уж тем более источниками обязательств, влекущих международно-правовую ответственность государств. Тем не менее, мы уже вплотную подошли к тому, что решения принимаются именно на основе концепций. В качестве примера можно привести пресловутую концепцию Конвенция о защите прав человека и основных свобод³⁹ как «живого документа»⁴⁰, которая позволяет Европейскому суду по правам человека уверенно вписывать в Концепцию несуществующие в ней права⁴¹. То есть происходит именно «уравнивание» нормативности источников и не-источников международного права.

Другой зарубежный ученый Г.Летсас пытается распространить на общее международное право сомнительную с точки зрения ее легитимности практику ЕСПЧ, отрицающую не только оригинализм⁴², но даже само существование общих правил толкования: «Толкование договоров является по своей природе оценочным действием, предполагающим выявление моральных ценностей, сдерживающих продвижение государствами своих проектов на международной арене, и лишь как производное от этого, выполняет задачу обнаружения намерений составителей и установления значения положений договора. Учитывая, что применимость различных методов толкования зависит от характера конкретного договора и затрагиваемых им моральных ценностей, не будет преувеличением утверждать, что общих правил толкования договоров не существует»⁴³. В позиции Г.Летсаса прослеживается не только противопоставление толкования как способа выявления намерений государств, толкованию, направленному на установление и защиту абстрактных ценностей, но и использование толкования как инструмента, направленного против самих государств. Получается, что текст договора, в котором выражены намерения государств, не имеет никакого значения. Считаем данную точку зрения юридически безосновательной. Кроме того, тезис Г.Летсаса о том, что оригинализм в отношении толкования «представляет собой нечто заданное или «застывшее во времени»»⁴⁴, является ошибочным. Единое правило толкования Статьи 31 Венской конвенции охватывает не только текст самого договора, частью которого является истолковываемая норма. Оно включает и такие элементы, как последующие соглашения и последующая практика относительно толкования, равно как и иные нормы международного права, применимые между сторонами. Таким образом, Статья 31 позволяет в полной мере учитывать развитие правоотношений сторон при толковании конкретного положения международного договора.

Другой наш зарубежный коллега Дж.Тобин придерживается точки зрения, согласно которой в процессе толкования можно «выбрать одно значение из существующего набора значений»: «Существует практически единое мнение, признававшееся даже на момент принятия [Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.], о том, что изначально заложенная в структуру общего правила адаптивность делает невозможным установление окончательно ясного значения договора»⁴⁵. Общее правило Венской конвенции может задавать общие рамки процесса толкования, при этом было бы преувеличением утверждать, что оно способно обеспечить выявление подлинного смысла текста, учитывая заложенную в нем неопределенность формулировок. Общее правило Венской конвенции может устанавливать определенные рамки процесса толкования, при этом оно совершенно неспособно ответить на вопрос, как выбрать одно значение для текста договора из неизбежно присутствующего диапазона потенциальных значений». Дж.Тобин развивает этот подход следующим образом: «Принятым значением любого терми-

на в конкретный момент времени будет то, которое становится доминирующим по отношению ко всем иным альтернативным толкованиям в рамках соответствующего экспертного сообщества. С этой точки зрения, акт толкования представляется чем-то большим, чем простое придание или сообщение *одного из* значений. Это, в конечном итоге, акт *убеждения* – попытка убедить соответствующее экспертное сообщество в том, что одно конкретное значение из набора потенциальных значений является наиболее уместным толкованием, которое и должно быть принято». Любопытно, что автор противопоставляет термин «убеждение» используемому М.Коскенниemi термину «обоснование», поскольку «обоснование... предполагает наличие основы, на которой формируется аргумент. Это, однако, не означает, что такой аргумент будет убедительным в смысле его принятия либо одобрения соответствующем экспертным сообществом»⁴⁶. Дж.Тобин резюмирует, что «толкование предполагает процесс выбора *одного* значения из диапазона потенциальных значений, при этом, чтобы такой выбор был достаточно убедительным, он должен быть сделан с учетом соответствующего контекста», т.е. «содержание международного права в значительной степени зависит от контекста, и не является чем-то само собой разумеющимся и неизменным»⁴⁷. Получается, что целью толкования является не выявление выраженного в тексте международного договора намерения государств, но выработка в каждом конкретном случае всего лишь *убедительной* позиции, учитывающей соответствующий контекст и обстоятельства. То есть правила не являются предзаданными (по сути, правил нет вообще). В формулировках правовых норм заложен некий диапазон потенциальных значений, а выбор одного из таких значений в каждом случае зависит от контекста, т.е. соответствующих политических, экономических, социальных, этических и иных неправовых факторов. Причем для толкования достаточно лишь, чтобы позиция была *убедительной*. Таким образом, не только отрицается определенность и обязательность права, но фактически происходит подмена права не-правом. С таким подходом согласиться невозможно.

По нашему мнению, важнейшими качествами права и международного права в частности являются объективность, стабильность, нейтральность и предсказуемость⁴⁸. Все это достигается, в том числе, благодаря наличию *основы*. Одним из важнейших элементов основы системы международного права являются его общепризнанные принципы и нормы, равно как и правила толкования Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Принцип *pacta sunt servanda* может сохранить свое значение только при добросовестном толковании договоров в соответствии с универсально признанными правилами. Стабильность и предсказуемость договорных связей, так и соблюдение международных договоров невозможны в отсутствие согласованных правил толкования. Предлагаемые же Р.Хиггинс, Г.Летсасом и Дж. Тобином подходы фактически сводят на нет принцип *pacta sunt servanda*. Если норма договора будет каждый раз толковаться с учетом некоего по-

стоянно меняющегося контекста и субъективных представлений о якобы должном (желаемом) регулировании, предсказуемость и определенность договорных обязательств перестанут существовать. При таком подходе международный договор подобно «карточному домику» распадается на серию не связанных между собой *ad hoc* толкований и решений.

Невозможно также согласиться с тезисом о том, что в норме международного договора заключено «множество» значений, и при толковании нужно лишь «выбрать» одно из них, с учетом соответствующего контекста. Такой подход является безосновательным. Мы не отрицаем, что формулировкам международного права в отдельных случаях присуща некоторая неопределенность (что есть объективное свойство самого языка, посредством которого право сформулировано). Кроме того, международные договоры есть результат консенсуса сторон. Использование метода «пакетной сделки» и имманентный конфликт интересов ведут к политическому торгу и выработке *компромиссных* формулировок. Ситуацию, однако, нельзя доводить до абсурда. Неопределенность языка не является бесконечной, но имеет свои пределы. Это касается любого термина. Так, выдающийся теоретик правового позитивизма Г.Харт сформулировал теорию «открытой текстуры» позитивных норм, согласно которой неопределенность права есть следствие ограниченной определенности самого языка. Однако у каждой правовой нормы есть семантическая сердцевина, не вызывающая разночтений⁴⁹. Кроме того, согласно статье 31 Венской конвенции текст является отправной, но не конечной точкой толкования. Существуют такие элемента единого правила толкования, как объект и цель договора, ближний и дальний контекст, последующая практика толкования и применения договора, иные применимые между сторонами нормы. Это широкий инструментарий в подавляющем большинстве случаев с высокой точностью позволяет установить значение истолковываемых терминов и фраз. Главное же в том, что тезис о «множественности допустимых толкований» не подтверждается практикой толкования. Как раз наоборот, толкование в соответствии с общим правилом толкования по статье 31 Венской конвенции не может вести к различным и тем более противоположным результатам. Это хорошо иллюстрирует практика разрешения споров Всемирной торговой организации. Статья 17.6 Соглашения по применению Статьи VI ГАТТ 1994⁵⁰ гласит: «[Т]ретьей группой толкует соответствующие положения Соглашения в соответствии с обычными правилами толкования международного публичного права. Если третья группа констатирует, что соответствующее положение Соглашения допускает более чем одно разрешенное толкование, то она делает вывод о том, что принятая компетентными органами мера соответствует Соглашению, если она основана на одном из таких разрешенных толкований». Таким образом, Статья 17.6 исходит из допустимости множественного толкования, каждое из которых соответствует правилу толкова-

ния Венской конвенции. Однако за почти четверть века существования ВТО не было ни одного случая, чтобы Апелляционный орган констатировал наличие более чем одного законного толкования.

Что касается призывов к междисциплинарности, Дж. Кроуфорд в своей блестящей научной работе «Международное право как дисциплина и профессия» дал отпор сторонникам подчинения международного права другим дисциплинам: «Проблема междисциплинарности состоит в том, что она часто предполагает, выражаясь несколько прямолинейно, определенную сделку: юристу необходимо выглядеть привлекательно для реалиста, при этом привлекательным он может стать лишь в том случае, если реалист может взять слова юриста и встроить их в свою прагматичную картину мира. А это, в свою очередь, может произойти только если юрист подчиняет себя диктату соседствующей дисциплины, допуская, например, что обязательная сила нормы права зависит от того, чего хотят сами государства»⁵¹. Действительно, все призывы к использованию в международном праве междисциплинарности связаны с якобы неспособностью международного права решать насущные задачи, с которыми сталкиваются практики. Соответственно, международному праву требуется «помощь» соседствующих дисциплин. Соглашаться с этим невозможно. У международного права есть собственные основания существования. Мы не отрицаем, что в отдельных случаях достижения других дисциплин могут быть *полезны* для решения международно-правовых проблем, но ни при каких обстоятельствах не могут *подменять* международное право. Профессор Дж.Кроуфорд об этом говорит прямо: «Несомненно, нам необходимо понимать роль множества других элементов системы – технических, практических, политических, и военных. Нам необходимо, в какой-то мере, быть междисциплинарными. Но такая междисциплинарность может принести пользу только если мы, в первую очередь, сможем очертить рамки своей дисциплины: нам необходимо место постоянной дислокации, если так можно выразиться, место, *из которого* мы можем исходить в междисциплинарной работе. Мы в первую и в последнюю очередь юристы. Мы не являемся, как таковыми, ни солдатами, ни бухгалтерами, ни экономистами, ни геодезистами, ни картографами, ни экологами, ни инженерами, ни океанографами, ни специалистами в изучении популяций рыб, ни астрофизиками, или экспертами в морфологии рек... перечень того, кем мы не являемся бесконечен. Мы, сами по себе, и не политологи. Мы профессионалы в нашей дисциплине – праве...»⁵². Добавить к этому нечего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По всей видимости, настало время определиться – каким мы видим международное право через 20, 30 лет? Каким будет вектор его развития? Будем ли мы молчаливыми наблюдателями дальнейшей трансформации международного права? Или приложим усилия, чтобы развитие международного права было управляемым, предсказуемым, отвечало интересам нашего государства, промышленности

и граждан? Способны ли мы выстроить требуемую стратегию и шаг за шагом реализовать необходимый план действий? Поставленные вопросы, возможно, выглядят риторическими по форме. Они, однако, не являются таковыми по содержанию. Если мы не будем всеми допустимыми способами вовлечены в интеллектуальный диалог с нашими зарубежными коллегами, мы получим международное право, которое будет отражать чужие, но не наши национальные интересы.

Далее излагаются семь постулатов, которые, возможно, послужат отправной точкой не только научных дискуссий в российской науке международного права, но и будут способствовать конкретным практическим шагам.

□ Реалии функционирования международного права требуют переосмысления его теоретических основ. Требование научной объективности не оставляют нам иных вариантов, как признать, что отдельные постулаты традиционного, классического понимания международного права основываются на архаичных идеях. Цепляться за них – значит ностальгировать по минувшим временам, не видеть реальности, отрицать международное право как оно есть.

□ Автор твердо стоит на позициях, что международное право – это самостоятельная правовая система. Право, конечно же, должно отражать происходящие изменения, чтобы быть способным регулировать соответствующие общественные отношения. Это, однако, не подразумевает, что международное право должно ассимилироваться с иными дисциплинами. Будучи порождением социальной действительности, международное право обладает собственными основаниями существования. Для подтверждения своей эффективности международному праву не требуются «подпорки» из других областей науки и знаний.

□ Сила международного права заключается, в том числе, в его формальности, нейтральности, объективности и свободе от любой идеологии. Это особенно важно в свете того, что, *во-первых*, государства являются одновременно основным субъектом и объектом регулирования и, *во-вторых*, государствам имманентно присущ конфликт интересов. Если в вопросе де-формализации международного права точка невозврата будет пройдена, это, прежде всего, ударит по странам, не обладающим значительной экономической, политической, военной мощью. В результате, принцип суверенного равенства государств превратится в фикцию.

□ Мы убеждены в том, что международное право, будучи многомерным явлением, включает не только позитивные установления, но и правосознание, правоприменительную практику, результаты правопорождающего взаимодействия не-субъектов и другие «не-позитивистские» элементы. Имманентный динамизм международного права породил различные по своей сущности и правовым последствиям категории: обязательства, права, предписания, разрешения, стандарты, рекомендации, требования, концепции, толкования, презумпции. Каждая из этих категорий в той или иной степени создает правовые ожидания, определяет развитие соответствующих общественных отношений. Соответственно, нужно взглянуть в реальность функционирования международного права и выработать

методологию, способную, с одной стороны, объять и объяснить нормативность существующих за пределами позитивного права феноменов, а с другой – обосновать контролируемую роль позитивного права. Это нужно сделать как минимум для того, чтобы не допустить бесконтрольного расширения оснований международно-правовой ответственности государств.

□ Реалии функционирования международного права свидетельствуют о том, что последнее обладает определенной автономностью от воли государств. В этой связи, следует больше внимания уделять процессуально-правовым подходам. Сосредоточием последних являются форма и процедура, в рамках которых право появляется, развивается, меняется, прекращает свое действие. С одной стороны, это позволит международному праву как объективно существующему феномену выполнять функции регулятора общественных отношений, а с другой – сохранит управляемость международного права, что жизненно важно в условиях имманентного конфликта интересов государств.

□ Мы убеждены, что результаты толкования международных договоров легитимны только в случае, если толкование осуществляется на основании общепризнанных правил, кодифицированных в Статьях 31-33 Венской конвенции 1969 г. В условиях нарастающего конфликта интересов государств, единственным практически осуществимым способом обеспечения стабильности и предсказуемости договорной практики, равно как и фактической реализации принципов *pacta sunt servanda* и суверенного равенства государств являются общепризнанные правила толкования, воплощенные в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. Только эти правила выражают международный консенсус. Мы также не видим возможности согласиться с тем, что неправовые факторы должны или даже могут влиять на толкование, потому что это открывает дорогу произволу. Мы не разделяем точку зрения, что толкование может учитывать ценностные суждения. Любое ценностное суждение есть не что иное, как идеология.

□ Мы не можем отрицать тот факт, что в процессе функционирования и развития международного права выкристаллизовались дополнительные подходы к толкованию, выходящие за рамки тех, что кодифицированы в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. В этой связи требуется начало нового этапа кодификации правил толкования. В противном случае в правоприменительной практике произойдет неконтролируемое закрепление правил толкования, не поддерживаемых универсальным консенсусом государств. Это не только нанесет урон предсказуемости договорной практики, принципам *pacta sunt servanda* и суверенного равенства государств, но отбросит международное право назад к временам, когда главенствовали сила и влияние отдельных государств. Мы осознаем сложность практической реализации проекта новой кодификации. Однако первая кодификация правил толкования международных договоров является подтвержде-

нием того, что «дорогу осилит идущий». По нашему убеждению, новая кодификация правил толкования международных договоров – важнейший вопрос в международной повестке.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Устав Организации Объединенных Наций был подписан 26 июня 1945 года в Сан-Франциско по завершении Конференции Организации Объединенных Наций по международной организации, и вступил в силу 24 октября 1945 года.

² Венская конвенция о праве международных договоров подписана 23 мая 1969 г., вступила в силу 27 января 1980 г. (далее – «Венская конвенция 1969 г.»)

³ Межгосударственные договоры существовали издревле (см.: *Оппенгейм Л.* Международное право. Т. 1. Полутом 1. М., 1948. С. 85-86; *Фердросс А.* Международное право. С. 25, 53-54; *Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И.* История международного права. М., 1990. С. 12-14). Арбитражи *ad hoc* тоже появились не вчера. В 1919 г. была учреждена Лига Наций и Постоянная палата международного правосудия, которые стали прообразами ООН и Международного Суда. Но все же, *система* международного права берет свое начало именно с Устава ООН.

⁴ Статья 38 Статута определяет источники права, применимого конкретным международным судебным органом – Международным Судом ООН. Однако в доктрине устоялось понимание, что нормативное значение данного положения идет гораздо дальше и определяет источники международного права *per se*.

⁵ Международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определено признанные спорящими государствами; международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы; общие принципы права, признанные цивилизованными нациями.

⁶ Судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм.

⁷ См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М. – Гарант. 2006. С. 162; Лукашук И.И. Источники международного права. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 95-96; Левин Д.Б. Основные проблемы современного международного права. М.: Госюриздат, 1958. С. 101-102.

⁸ Ильяшевич М. В. Понятие односторонних актов государств в международном праве // Московский журнал международного права. 2011. № 1. С. 172-184; Курдюков Г. И. Односторонние юридические акты государств // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 199-201.

⁹ Тункин Г.И. Теория международного права. М. – Гарант. 2006. С. 206.

¹⁰ Следует признать, что благодаря воззрениям волюнтаристской теории и позитивизму была сформирована теоретическая основа, позволившая *отграничить* международное право от иных социальных явлений, а также определить *специфические черты* международного права как самостоятельного правового феномена.

¹¹ Sinclair Ian. (1984) The scope of the Convention and its relationship to customary law”. In *The Vienna Convention on the Law of Treaties*. Manchester: Manchester University Press, pp. 10-21.

¹² Количество присоединившихся к Венской конвенции государств свидетельствует о широкой поддержке данного подхода. По состоянию на 1 января 2018 г. Венскую конвенцию ратифицировали 116 государств.

¹³ Мовчан А.П. Вклад ООН в укрепление международного правопорядка (к 40-летию ООН) // Правоведение. 1985. № 6. С. 25; Василенко А.В. Стратегия международного обеспечения миропорядка // Вестник Киевского ун-та. Международные отношения и международное право. – 1984. – Вып. 18. С. 4; Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М.: Междунар. отношения, 1975. С. 17-18.

¹⁴ Berman P.S. A Pluralist Approach to International Law // *The Yale Journal of International Law*, 2007, vol. 32. P. 1197-1201; Ahdieh R.B. Between Dialogue and Decree: International Review of National Courts // *New York University Law Review*, 2004, vol. 79. P. 2029- 2163; Fischer-Lescano A., Teubner G. Regime-Collisions: the Vain Search for Legal Unity in the Fragmentation of Global Law // *Michigan Journal of International Law*, 2004, vol. 25. P. 999-1046.

¹⁵ Berman P.S. A Pluralist Approach to International Law // *The Yale Journal of International Law*, 2007, vol. 32. P. 301-329.

¹⁶ Krisch N. The Case for Pluralism in Postnational Law // LSE Law, Society and Economy Working Papers 12/2009 London School of Economics and Political Science Law Department. – URL: http://www.lse.ac.uk/collections/law/wps/WPS2009-12_Krisch.pdf (дата обращения - 04.05.2020). P. 28.

¹⁷ Интересно, что в последней четверти XX столетия имел место «бум» именно многосторонних международных договоров, подписанных в важнейших областях международного сотрудничества, большинство которых открыто к подписанию любыми государствами.

¹⁸ Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Кодификация международного права: конец прекрасной эпохи? // Молдавский журнал международного права и международных отношений. 2012. № 3 (25). С. 12.

¹⁹ Прежде всего, решения Европейского Суда по правам человека, Органа по разрешению споров ВТО, Суда ЕС, Межамериканского Суда по правам человека и других постоянно действующих судебных органов.

²⁰ Речь, прежде всего, идет о решениях международных инвестиционных арбитражей.

²¹ Korhonen O. New International Law: Silence, Defence or Deliverance? // *European Journal of International Law*, 1996, vol.7, issue 1. P. 10.

²² Koskeniemi M. *From Apology to Utopia*. Cambridge University Press, 1989. P. 174.

²³ Мы не случайно использовали слово «универсально»: только в таком случае применение таких инструментов будет легитимным.

²⁴ В основе традиционализма международного права лежит приверженность его классическим ценностям, а именно, объективность международного права, его самостоятельность как правовой системы и науки, незыблемость основополагающих принципов и норм международного права, толкование международных договоров в строгом соответствии со статьями 31-32 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

²⁵ Вот лишь некоторые монографии: Eirik Bjorge, *The Evolutionary Interpretation of Treaties* (Oxford: Oxford University Press, 2014); Ulf Linderfalk, *On the Interpretation of Trea-*

ties: *The Modern International Law as Expressed in the 1969 Vienna Convention of the Law of Treaties* (Dordrecht: Springer, 2007); Alexander Orakhelashvili, *The Interpretation of Acts and Rules in Public International Law* (Oxford: Oxford University Press, 2008); Richard K. Gardiner, *Treaty Interpretation* (Oxford: Oxford University Press, 2010); Isabelle Van Damme, *Treaty Interpretation by the WTO Appellate Body* (Oxford: Oxford University Press, 2009); Jean d'Aspremont, *Formalism and the Sources of International Law. A Theory of the Ascertainment of Legal Rules* (Oxford: Oxford University Press, 2011); Ingo Venzke, *How Interpretation Makes International Law* (Oxford: Oxford University Press, 2011); Andrea Bianchi, Daniel Peat, and Matthew Windsor, eds., *Interpretation in International Law* (Oxford: Oxford University Press, 2015); Christian Djeflal, *Static and Evolutive Treaty Interpretation. A Functional Reconstruction* (Cambridge: Cambridge University Press, 2016); George Letsas, *A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights* (Published to Oxford Scholarship Online: January 2009).

²⁶ Merrills J. G. Two Approaches to Treaty Interpretation // Australian Yearbook of International Law, 1968-1969, vol. 4. P. 56-57; Von Bernstorff (2010) Cambridge Studies in International and Comparative Law. In *The Public International Law Theory of Hans Kelsen: Believing in Universal Law*. Cambridge University Press. P. 268-271.

²⁷ Weiler J. *Prolegomena to a Meso-theory of Treaty Interpretation at the Turn of the Century*. International Legal Theory Colloquium: Interpretation in International Law, Institute for International Law and Justice, New York University School of Law, 2008. P. 5-6.

²⁸ Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // European Journal of International Law, 2010, vol. 21, issue 3. P. 513.

²⁹ Snyder F. "Out on the Weekend". Reflections on European Union Law in Context', in *Frontiers of Legal Knowledge*, edited by Geoffrey P. Wilson. London: Chancery, 1995. P. 120-145.

³⁰ Korhonen O. New International Law: Silence, Defence or Deliverance? // European Journal of International Law, 1996, vol.7, issue 1. P. 9.

³¹ Kingsbury, Benedict and Donaldson, Megan, "From Bilateralism to Publicness in International Law" (2011).

New York University Public Law and Legal Theory Working Papers. Paper 256.P. 98.

³² Delbruck J. Max Huber's Sociological Approach to International Law Revisited // The European Journal of International Law, 2007, vol. 18, no. 1. P. 97-113.

³³ Slaughter A-M. International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda // *The American Journal of International Law*, 1993, vol. 87, No. 2, p. 205-239; Slaughter A-M. Tulumello A., Wood S. International Law and International Relations Theory: A New Generation of Interdisciplinary Scholarship // *American Journal of International Law*, 1998, vol. 92, No. 3. P. 367-397; Trachtman J.P. Bananas, direct effect and compliance // *European Journal of International Law*, 1999, vol. 10, No 4. P. 655-678.

³⁴ Higgins R., *Problems and Process: International Law and How We Use It* (Oxford: Clarendon Press, 1994, reprinted in 2003). P. vi

³⁵ Higgins R., *Problems and Process: International Law and How We Use It* (Oxford: Clarendon Press, 1994, reprinted in 2003). P. 2-3

³⁶ Higgins R., *Problems and Process: International Law and How We Use It* (Oxford: Clarendon Press, 1994, reprinted in 2003). P. 3-5

³⁷ В этой связи вспоминается блестящая работа американского правоведа Рональда Дворкина, в которой впервые на теоретическом уровне обоснована разница между простыми и сложными делами, которые неминуемо предполагают именно *выбор* и широкое усмотрение суда. См.: Dworkin Ronald, Hard Cases // Harvard Law Review, Vol. 88, No. 6 (Apr., 1975), pp. 1057-1109.

³⁸ См., например, Статью 17.6 Соглашения по применению Статьи VI ГАТТ 1994.

³⁹ Вступила в силу 3 сентября 1953 г.

⁴⁰ Впервые была провозглашена ЕСПЧ в деле Tyrer v. United Kingdom, (Appl. No.5856/72) Judgment of 25 April 1978, Series A no. 26.

⁴¹ См., напр.: Marckx v Belgium, (Appl No. 6833/74) Judgment of 13 June 1979, Series A no. 31; Dudgeon v United Kingdom, (Application No. 7525/76) Judgment of 24 February 1983; Rantsev v Cyprus and Russia (Application No. 25965/04) Judgment of 7 January 2010; EB v France, (Application No. 43546/02) Judgment of 22 January 2008.

⁴² К оригинализму следует относить взгляды представителей школы текстуалистов и школы намерений.

⁴³ Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // European Journal of International Law, 2010, vol. 21, issue 3. P. 541.

⁴⁴ Letsas G. Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer // European Journal of International Law, 2010, vol. 21, issue 3. P. 513.

⁴⁵ Tobin John. Seeking to Persuade: A Constructive Approach to Human Rights Treaty Interpretation // Harvard Human Rights Journal, 2010, vol. 23. P. 3.

⁴⁶ Tobin Johnю Seeking to Persuade: A Constructive Approach to Human Rights Treaty Interpretation // Harvard Human Rights Journal, 2010, vol. 23. P. 3.

⁴⁷ Tobin John. Seeking to Persuade: A Constructive Approach to Human Rights Treaty Interpretation // Harvard Human Rights Journal, 2010, vol. 23. P. 40.

⁴⁸ Речь, конечно же, не идет об *абсолютной* стабильности и предсказуемости.

⁴⁹ Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 126-150.

⁵⁰ Антидемпинговое соглашение.

⁵¹ Crawford J. International Law as Discipline and Profession. Proceedings of the ASIL Annual Meeting, 106, 2012. P. 473.

⁵² Crawford J. International Law as Discipline and Profession. Proceedings of the ASIL Annual Meeting, 106, 2012. P. 473.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Абашидзе А.А., Солнцев А.М. Кодификация международного права: конец прекрасной эпохи? // Молдавский журнал международного права и международных отношений. 2012. № 3 (25), С. 130-136 (Abashidze A.A., Solncev A.M. Kodifikaciya mezhdunarodnogo prava: konec prekrasnoj e`poxi? // Moldavskij zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodny`x otnoshenij. 2012. № 3 (25), S. 130-136.).

Василенко А.В. Стратегия международного обеспечения миропорядка // Вестник Киевского ун-та. Международные отношения и международное право. – 1984. – Вып. 18, с. 3-14 (Vasilenko A.V. Strategiya mezhdunarodnogo obespecheniya miroporyadka // Vestnik Kievskogo un-ta. Mezhdunarodny`e otnosheniya i mezhdunarodnoe pravo. – 1984. – Vy`p. 18, s. 3-14.).

Ильяшевич М. В. Понятие односторонних актов государств в международном праве // Московский журнал международного права. 2011. № 1. С. 172–184 (Ilyashevich M. V. Ponyatie odnostoronnix aktov gosudarstv v mezhdunarodnom prave // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2011. № 1. S. 172–184).

Левин Д.Б. Основные проблемы современного международного права. М.: Госюриздат, 1958. 275 с. (Levin D.B. Osnovny'e problemy' sovremennogo mezhdunarodnogo prava. M.: Gosyurizdat, 1958. 275 s.)

Лукашук И.И. Источники международного права. М.: Волтерс Клувер, 2005. 432 с. (Lukashuk I.I. Istochniki mezhdunarodnogo prava. M.: Volters Kluver, 2005. 432 s.)

Лукашук И.И. Международно-правовое регулирование международных отношений. – М.: Междунар. отношения, 1975. 176 с. (Lukashuk I.I. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie mezhdunarodny'x otnoshenij. – M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1975. 176 s.)

Курдюков Г. И. Односторонние юридические акты государств // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 199–201 (Kurdyukov G. I. Odnostoronnie yuridicheskie акты gosudarstv // Vestn. e'konomiki, prava i sociologii. 2012. № 1. S. 199–201).

Мовчан А.П. Вклад ООН в укрепление международного правопорядка (к 40-летию ООН) // Правоведение. 1985. № 6. С. 21-31 (Movchan A.P. Vklad OON v ukreplenie mezhdunarodnogo pravoporyadka (k 40-letiyu OON) // Pravovedenie. 1985. № 6. S. 21-31).

Тункин Г.И. Теория международного права. М. – Гарант. 2006. 416 с. (Тункин Г.И. Теория международного права. М. – Гарант. 2006. 416 с.)

Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 302 с. (Hart G.L.A. Ponyatie prava / Per. s angl.; pod obshh. red. E.V. Afonasyina i S.V. Moiseeva. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. 302 s.)

Alvarez J. (2005) International Organizations as Law-Makers. Oxford, Oxford University Press, 712 p.

Ahdieh R.B. (2004) Between Dialogue and Decree: International Review of National Courts. New York University Law Review, vol. 79, p. 2029- 2163.

Jean d'Aspremont (2011) Formalism and the Sources of International Law. A Theory of the Ascertainment of Legal Rules. Oxford University Press, 286 p.

Berman P.S. (2007) Global Legal Pluralism. Southern California Law Review, vol. 80, p. 1197-1201.

Berman P.S. (2007). A Pluralist Approach to International Law. The Yale Journal of International Law, vol. 32. P. 301-329.

Bjorge E. (2014) The Evolutionary Interpretation of Treaties, Oxford University Press, 240 p.

Von Bernstorff (2010) Cambridge Studies in International and Comparative Law. In The Public International Law Theory of Hans Kelsen: Believing in Universal Law. Cambridge University Press, p. 268–328.

Crawford J. (2012) International Law as Discipline and Profession. Proceedings of the ASIL Annual Meeting, 106, 471-486.

Van Damme I. (2009) Treaty Interpretation by the WTO Appellate Body. Oxford University Press, 488 p.

Delbruck J. (2007) Max Huber's Sociological Approach to International Law Revisited. The European Journal of International Law, vol. 18, no. 1, p. 97-113.

Djeffal C. (2018) Static and Evolutive Treaty Interpretation. A Functional Reconstruction. Cambridge University Press, 450 p.

- Dworkin R. (1975) Hard Cases. *Harvard Law Review*, vol. 88, No. 6, p. 1057-1109.
- Fischer-Lescano A., Teubner G. (2004) Regime-Collisions: the Vain Search for Legal Unity in the Fragmentation of Global Law. *Michigan Journal of International Law*, vol. 25, p. 999-1046.
- Gardiner R. (2010) *Treaty Interpretation*. Oxford University Press, 480 p.
- Korhonen O. (1996) New International Law: Silence, Defence or Deliverance? // *European Journal of International Law*, vol.7, issue 1, p. 1-28.
- Koskeniemi M. (1989) *From Apology to Utopia*. Cambridge University Press, 683 p.
- Kingsbury B., Donaldson M. (2011) *From Bilateralism to Publicness in International Law*. Pxfprd University Press, p. 79-89.
- Krisch N. The Case for Pluralism in Postnational Law // LSE Law, Society and Economy Working Papers 12/2009 London School of Economics and Political Science Law Department. – URL: http://www.lse.ac.uk/collections/law/wps/WPS2009-12_Krisch.pdf (дата обращения - 04.05.2020).
- Letsas G. (2010) Strasbourg's Interpretive Ethic: Lessons for the International Lawyer. *European Journal of International Law*, vol. 21, issue3, p. 509-541.
- Letsas G. (2009) *A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights*. Oxford University Press, 164 p.
- Linderfalk U. (2007) *On the Interpretation of Treaties: The Modern International Law as Expressed in the 1969 Vienna Convention of the Law of Treaties*. Dordrecht: Springer, 410 p.
- Lord McNair (1961) *The Law of Treaties*, Oxford University Press, 800 p.
- Merrills J. G. (1968-1969) Two Approaches to Treaty Interpretation. *Australian Yearbook of International Law*, vol. 4, 55-82.
- Orakhelashvili A. (2008) *The Interpretation of Acts and Rules in Public International Law*. Oxford University Press, 594 p.
- Sinclair Ian. (1984) The scope of the Convention and its relationship to customary law". In *The Vienna Convention on the Law of Treaties*. Manchester: Manchester University Press, pp. 10-21.
- Slaughter A-M. (1993) International Law and International Relations Theory: A Dual Agenda. *The American Journal of International Law*, vol. 87, No. 2, p. 205-239.
- Slaughter A-M. Tulumello A., Wood S. (1998) International Law and International Relations Theory: A New Generation of Interdisciplinary Scholarship. *American Journal of International Law*, vol. 92, No. 3, p. 367-397.
- Snyder F. (1995) "Out on the Weekend". Reflections on European Union Law in Context', in *Frontiers of Legal Knowledge*, edited by Geoffrey P. Wilson. London: Chancery, p. 120-142.
- Tobin John (2010) Seeking to Persuade: A Constructive Approach to Human Rights Treaty Interpretation. *Harvard Human Rights Journal*, vol. 23, p. 1-50.
- Trachtman J.P. (1999) Bananas, direct effect and compliance. *European Journal of International Law*, vol. 10, No 4, p. 655-678.
- Venzke I. (2011) *How Interpretation Makes International Law*. Oxford University Press, 338 p.
- Weiler J. (2008) Prolegomena to a Meso-theory of Treaty Interpretation at the Turn of the Century. *International Legal Theory Colloquium: Interpretation in International Law*, Institute for International Law and Justice, New York University School of Law.

